

Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Костромское церковно-историческое общество

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**Материалы конференции
Кострома, 29–30 мая 2008 года**

Кострома
2008

УДК 947я431
ББК 63.3(2)45-02я431
Р 693

Печатается по решению редакционно-издательского
совета КГУ им. Н. А. Некрасова

Р е д к о л л е г и я

Н. М. Рассадин (председатель), А. М. Белов (составитель
и научный редактор), М. Д. Валовая, В. Р. Веселов,
А. Г. Кирпичник, Б. К. Коробов, В. А. Кудинов, А. Р. Наумов,
Т. И. Нигметзянов, Д. И. Сазонов, И. Н. Слюняев

Романовские чтения. История российской государственно-
Р 693 сти и династия Романовых: актуальные проблемы изучения :
материалы конференции, Кострома, 29–30 мая 2008 года / сост.
и науч. ред. А. М. Белов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова,
2008. – 348 с.

ISBN 978-5-7591-0925-9

Книга включает в себя материалы Романовских чтений, состоявшихся в Костроме в мае 2008 года и положивших начало ряду ежегодных научных собраний к 400-летию династии Романовых. В центре внимания исследователей – вопросы становления и развития российской государственности, взаимоотношения государства и Церкви, исторические связи представителей правившей династии и выдающихся россиян с Костромской землей.

Адресована научным работникам, учителям, аспирантам, студентам, всем интересующимся историей Отечества.

ББК 63.3(2)45-02я431
УДК 947я431

ISBN 978-5-7591-0925-9

© А. М. Белов, составление, 2008
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008

Д. И. Сазонов

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО: НА ПУТИ К ТРЕТЬЕМУ РИМУ

Два Рима падоша, а третий стоит,
а четвертому не быти.
Филофей Псковский

29 мая 1453 года, 555 лет назад, прекратила свое существование величайшая империя мира – Византийская. Знаменитая идеологема монаха Спасо-Елиزارова монастыря Филофея была сформулирована в «Послании к великому князю Василию» – сыну Иоанна III. 43 года правления Иоанна III подготовили условия для объявления Москвы Третьим Римом. Внешними условиями для этого были: падение в 1453 году Константинополя, крушение Византийской империи, Православного царствующего Рима. На Руси в гибели православного царства видели, с одной стороны, признаки конца света, с другой – наказание Божие за предательство веры на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439), провозгласившем унию. Очень скоро в Москве было озвучено мнение, что «русский государь призван заступить место византийского императора и что русские люди, призванные занять первенствующее место среди православных народов, вместо греков, суть лучшие христиане, чем сии последние»¹.

На Руси этот вывод распространяется в литературных текстах. Например, в сочинении Искандера «Повесть о взятии Царьграда», в которой автор, перешедший из христианства в ислам (по происхождению русский), приводит пророчество императора Льва Мудрого, в котором тот говорит об освобождении Царьграда русскими. В «Сказании о князьях владимирских» русские монахи устанавливают фантастическую генеалогию, в которой предписывают московским князьям родство с византийскими императорами, которые, в свою очередь, являются потомками правителей древнего Вавилона. Иван Грозный, кстати, утверждал, ссылаясь на «Сказание», что ведет свой род от римского императора Августа.

Политическая концепция московского самодержавия и преемственность Москвы – Третьего Рима – рождается в монастырях – авторитетных центрах мысли и просвещения.

В спорах формируется понимание особого характера Московского государства, русского государя, миссии Москвы – столицы Руси в истории человечества.

Следуя этой концепции, в 1472 году московский великий князь Иоанн III взял в жены византийскую царевну Софью Палеолог, племянницу Константина XI, последнего византийского императора, погибшего с оружием в руках во время штурма Константинополя турками. Византийская принцесса, став московской княгиней, вводит придворный церемониал – появляются новые титулы. На печати московского великого князя появляется новая символика – императорский византийский двуглавый орел. Софья своим присутствием легитимизировала политическую преемственность Москвой наследия погибшего «второго Рима».

Рассматривая отношения государственной (светской) и церковной властей в этот период отметим, что Русь, принявшая сначала Православие, а затем уже государственную идею Третьего Рима, не знала конфликтов между светской и церковной властью, подобных тем, которые потрясли Западную Европу и Византию. В отношениях властей большую роль, безусловно, имело благосклонное отношение к Церкви монголо-татарских правителей и подчиненное положение князя. Церковь нуждалась в Москве, оплоте Православия, и последовательно поддерживала политику московских князей. Московские князья нуждались в Церкви, легитимизировавшей их власть и способствовавшей возвышению Москвы.

Но во второй половине XV века происходят события, которые рожают новые отношения между Церковью и князем: Московская митрополия после падения Константинополя становится автокефальной, теряя внешнюю поддержку и авторитет, свое влияние на Киевскую митрополию, на светскую власть. Великий же князь московский со времени падения Константинополя и выдвижения идеологемы «Москва – Третий Рим» получает власть и силу, которой он раньше не имел.

Об этом иллюстративно свидетельствует борьба Церкви с ересью «жидовствующих», когда Церковь, разделившаяся на сторонников преподобного Нила Сорского – «нестяжателей» и сторонников преподобного Иосифа Волоцкого – «стяжателей», обратилась к авторитету великого князя за разрешением своих проблем.

Борьба с еретиками превращается в один из важнейших в истории Руси споров, в ходе которых вырабатывается концепция власти московского государя, определяется принцип отношения к инакомыслию. Как мы знаем, борьба с ересью окончилась тем, что в результате решения великого князя ересь прекратила свое существование. Князь на время отказался от слишком смелых и прямолинейных планов секуляризации монастырских владений, хотя, почувствовав свою власть, усилил власть над Церковью. (Он уже назначал понравившихся ему кандидатов на цер-

ковные должности, Приказ Большого дворца контролировал управление монастырями и епархиями.)².

После победы над ересью в Церкви восторжествовала идеология «иосифлян». Их политическая линия, направленная на укрепление московского самодержавия, более соответствовала новому положению государства, чем гуманизм заволжских старцев с их мистикой и проповедью отхода от суеты этого греховного мира, с их стремлением создать независимую от светской власти Церковь.

«Политико-социологическая доктрина» иосифлянской школы ставила своей главной задачей «идеологическое обоснование абсолютизма, защиту централизации и самодержавия»³.

Именно преподобному Иосифу Волоцкому в русской истории принадлежит роль создателя стройной системы теократического православного абсолютизма, которая подразумевает: обожествление государя и построение отношений между духовной и светской властью. Вот несколько формул, которые он провозглашал, переводя писания византийского автора VI века Агапита: «Царь убо естеством подобен всем человеком, а властью же подобен вышнему Богу»⁴. Далее, он возглашает: «Слышите, цари и князи, и разумеите вас бо Бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади»⁵. Определяется тип симфонии (мессианский характер государства), в которой божественный характер власти князя (царя) предопределяет отношения между ним и Церковью. Цель государства – Православное царство – живая икона Царствия Небесного на грешной земле, где царь принимает на себя и жреческое служение по образу царя и священника Мелхисидека. Образ такого государства взят из Византии, где христианские императоры носили официальный титул *pontifex maximus* – верховного жреца. Константинопольский патриарх Антоний в своем послании к великому князю московскому Василию Дмитриевичу поучал того: «Святой царь занимает высокое положение в Церкви Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь царя. Ибо царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно их отделить друг от друга»⁶.

«Воззрения Иосифа Волоцкого, – писал историк В. Жмакин, – на отношения церковной и государственной власти ставят государство в служебное положение к Церкви, а Церковь в подчиненное положение к государству, причем государственная власть обращается в блюстительницу всех церковных интересов, за каковую Церковь платит власти отречением от своей свободы и самостоятельности, делаясь послушным орудием государя»⁷.

Сформулированное Иосифом отношение двух властей по своему характеру представляет компромисс: государственная власть получает право проникать во все сферы церковной жизни и известным образом влиять на них, считая себя защитницей Третьего Рима. Церковь, отказываясь от своей самостоятельности и поступаясь некоторыми своими правами в пользу светской власти, приобретает тем самым возможность сохранить за собой привилегии, которыми ее наделили в прежнее время и которые никогда не входили в круг ее истинного и прямого назначения (в основном это земли). Две власти поддерживают друг друга, черпают силы одна в другой, возникает стабильная система, прочно стоящая на земле и выполняющая дело Божественного Промысла. Как высокий идеал такой симфонии можно привести слова византийского патриарха Василия Македонянина, написанные им в Эпанагоге, руководстве для судей (IX век): «Император и патриарх необходимы для государственного устройства так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства»⁸. Не может быть и речи о строгом разграничении функции государственной и церковной власти в Третьем Риме, в Православном царстве.

Иосиф Волоцкий создал теорию могучего самодержавного государства, переписав ее из византийских образцов. Иосифлянин, монах псковского Елизарова монастыря, дал этому государству цель. В послании Василию III, сыну Ивана III и византийской принцессы Софьи, Филофей сформулировал мессианскую программу Москвы – первый Рим пал изъеденный язычеством, второй – под ударами неверных, третий Рим – Москва, а четвертому не быть. История завершалась: все православные царства христианской веры сходились в едино царство. А в «богоспасаемом граде Москве Церковь в Успенском соборе [московская соборная церковь в реальном и мистическом смысле слова] сияет ярче солнца на всю вселенную»⁹. Единственная истинная реальная вера – Православие, единственная хранительница веры – Москва, олицетворяемая самодержавным государем. Формула Филофея дословно, вплоть до Петра I, входила в чин венчания московских царей. Церковь дала идеологию государству, указала ему путь империи, путь Православного царства, путь духовного и территориального роста, тем самым определив его высокое мессианское значение.

В 1492 году митрополит Зосима в составленной им пасхалии называет Иоанна III «государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином в новом граде Константина Москве, всей русской земли и иных многих земель государем»¹⁰. Спустя три десятилетия церковная формула становится официальным титулом московского государя. Традиционной

внутренней политике «собираания власти» соответствует теперь традиционная внешняя политика, имевшая, прежде всего, целью – «собираание Руси», т. е. всех православных в единое царство, с центром в Москве.

О пагубности такого симбиоза властей предупреждали «нестяжатели». Они считали, что власть князя, даже в светских делах, не говоря уже о церковных, должна быть ограничена высшим моральным законом. Критиком доктрины теократического абсолютизма выступал преподобный Максим Грек. Но к их мнению не прислушивались. Не только критика, но и сомнение в божественном характере государевой власти стали восприниматься московским князем как удар по его авторитету, так и по доктрине Третьего Рима. Показательный пример этому – действия Ивана III, который уже не считался с мнением митрополита, ходатайствующего о милости по отношению к князю Андрею Углическому. Все большее значение в качестве творческой силы права приобретает воля государя. Изданный в 1497 году Судебник (сборник законов) по содержанию уже беднее «Русской правды» (судебного кодекса X–XI веков). Великий князь олицетворяет государство, которое является его вотчиной, по отношению к которому все подданные – холопы. Основой московского политического порядка становится распределение между подданными князя обязанностей, которые не были связаны с правами. Это означало провал духовной симфонии, провал идеи, где высокое христианское служение понималась как основа государства.

При Иване Васильевиче Грозном идея Третьего Рима приобрела реальную почву – Московское царство. Помогал ему в идеологическом построении государства митрополит Макарий, который был горячим иосифлянином, проповедником самодержавия. Видный дипломат Федор Карпов, проводник идеи абсолютизма власти царя, считал, что царь своими действиями должен добиваться «общей пользы» и ради нее может использовать «грозу закона и правды»¹¹. Церковь слабела. При Иване Васильевиче рост церковных землевладений прекратился. Церковь потеряла «тарханы» – грамоты, которые освобождали ее от уплаты налогов. Царь лишил ее привилегии, которую она получила еще в татарские времена.

После событий 1564 года, отъезда царя из Москвы в Александровскую слободу, были озвучены его требования – неограниченная власть, отказ духовенства от исконного права «печалования» – права вступать за опальных. Самодержавная власть Ивана станет образцом для всех будущих русских царей. Способствуя централизации власти, концентрации ее в своих руках, Иоанн был твердо убежден, что воплощает божественную власть на земле. Для этого он отрицал как свое русское

происхождение, так и официальную Церковь: он создает свой духовный орден – опричнину. Царь, претендующий на самодержавность и вселенскость, потомок Августа и первого Рима, видел себя иностранным принцем – немцем, управляющим страной с чуждым ему народом. При нем Московское государство становится фактически империей. По благословению митрополита Макария и при ближайшем участии царского духовника Андрея (Афанасия) была составлена Степенная книга, которая представляет историю Руси как историю установления Православного царства.

Русский народ, утверждают авторы Степенной книги, является народом исключительным, единственным: Русь – Новый Израиль. История русского народа имеет вселенское значение. Но при этом утверждении распадается священная двоица – союз царя и митрополита, распадается вселенскость Москвы как Православного царства. Иван не терпит ничьей власти, кроме своей. Колебания царя между двумя началами – самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти – «привели государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей – к гибели»¹².

Учреждение патриаршества при сыне Ивана Федоре, возведение митрополита Иова 26 января 1589 года гармонично соответствовало идее Третьего Рима и указывало на роль России как оплота истинной Церкви: «Ветхий Рим падеся аполинариевою ересью второй же Рим, иже есть Константинополь от безбожных турок обладаем, твое же, о благочестивый царь, великое российское царствие в едином собрано, и ты един под небесем христианский царь»¹³. «Эта идея, – писал Р. Г. Скрынников, – отразила новое соотношение сил внутри Вселенской Православной Церкви»¹⁴. Конечно же, Россия, разоренная войной и опричной политикой, в XVI веке не могла претендовать на мировую империю и роль Вселенского Православия, но доктрина Третьего Рима и не была требованием сиюминутной политики – она выражала глубокое убеждение в историческом, Божественном, предназначении России, представляя собой могучий духовный стимул, игравший важнейшую роль в будущем страны. Приведем аналогию. В начале 20-х годов XX века Россия переживала последствия Смутного времени, и тогда уже раздавались голоса о том, что Третий интернационал не что иное, как ипостась Третьего Рима¹⁵.

Утвержденное при царе Феодоре государственное образование, при соборном выборе юного боярина Михаила Романова, казалось бы, нашло свою гармонию. Н. Карамзин пишет: «Единодушно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным, воспламененные любовью к отечеству взывали только: “Бог и государь”»¹⁶. В то же время,

и его отцу, митрополиту Филарету, возведенному после возвращения из плена в патриаршее достоинство, вселенским патриархом Феофаном был дан титул «великого государя» (современником Филарета был Ришелье). Царствование Михаила и его отца – пример божественной двоицы, симфонии. Но при этом надо учитывать нюансы. Л. Гумилев дает оценку правлению первого Романова: «Выбор был крайне удачен, ибо, процарствовав с 1613 по 1645 годы, сам Михаил ничего не предпринимал, работу по устройению государства выполняли земские соборы»¹⁷. Михаилу очень помог авторитет отца, патриарха, взявшего на себя основную тяжесть правления. Государство стремилось контролировать все, управлять всеми сторонами жизни. Было принято множество законов, организующих административную структуру, прежде всего центральную бюрократию. Но, одновременно, огромные области, находившиеся в управлении патриарха, монастырские владения, вотчины митрополитов освобождались от податей. Происходит усиление государственной власти. Но вместе с тем, пока был жив патриарх Филарет, паритет властей сохранялся, хотя чаша весов уже склонялась в сторону возвышения государства, в сторону единовластия. В 1625 году царь официально принимает на себя титул самодержца.

Весь XVII век будет временем поисков монархами путей сохранения абсолютной власти и искоренения путей к ее ограничению. Если в начале XVI века предсказания инока Филофея были выражением безумной мечты, иррациональной веры в Божественное предназначение, в избрание столицы небольшого княжества, затерянного в лесах, центром истинно христианской империи, то в середине XVII века, после всех потрясений, пережитых Московским государством, появляется материальная основа, позволяющая верить в возможность реализации пророчества. Ее изложил в лаконичной формуле Василий Ключевский: государство тучнело, народ хирел¹⁸. Николай Бердяев, говоря о провале «идеи Москвы как третьего Рима», объясняет, что эта идеология «способствовала укреплению и могуществу Московского государства, царского самодержавия, а не процветанию Церкви, не возрастанию духовной жизни»¹⁹. Почему же так происходило? Бердяев говорит, что мессианство вселенского православного царства терялось, во главу идеи становился мессианское призвание русского народа связанного неразрывно с государем: «Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием Русского государства, с исключительным значением русского царя»²⁰. Историк И. Забелин видит причину краха идеологии Третьего Рима в исконных родовых, семейных отношениях – отношениях отца и детей, опекуна и опекаемых.

РАЗДЕЛ I

«Родовое начало, – писал он, – остается нашим нравственным и политическим воздухом, которым мы жили, дышали в течение всей нашей истории»²¹.

Великий разлом не заставил себя ждать. Царь Алексей Михайлович твердо верил в богоустановленность и даже богодухновенность своей власти. Мягкий и отзывчивый человек, он резко отрицал наличие каких бы то ни было прав у государевых людей, всех жителей Московского государства. Народ имел такое же представление о царе, видя в нем источник высшей справедливости. «Кого не слушаешь? – упрекал царь боярина, не выполнившего царского указа, – Самого Христа?»²². Уложение 1649 года стремилось улучшить деятельность старой государственной машины путем увеличения контроля, подчинения всех государственных функций надзору, а не к духовному единению власти и народа. Начинается медленный переход – он будет завершен при сыне Алексея, Петре – к новой форме государственного управления, к полицейскому государству. Его главные черты: правительственная опека и полицейское вмешательство во все области жизни, подчинение экономики казне, наличие широко разветвленной бюрократии. Полицейское государство не только устанавливает правовые нормы, но и берет на себя заботу о благополучии подданных. Например, предписывалось хождение в церковь и число говений в году.

Ярким примером крушения идеала Третьего Рима явился конфликт между государственной властью в лице царя Алексея Михайловича и патриархом Никоном. В нем отразились главные вопросы русской жизни: место и характер веры, отношения между Церковью и государством, роль Русского Православия, борьба старого и нового, отношения к науке и искусству.

Форма, которую принял конфликт, разоривший Православную Церковь и государство, был результатом личных отношений патриарха с царем. Первоначально Алексей Михайлович ставит рядом с собой патриарха, потому что беспредельно верит в него, доверяет ему, любит его. Никон титуловал себя: «Великий государь, старейший Никон, архиепископ московский и всея Великия, Малыя и Белые России и многих епархий, земли же и моря сея патриарх»²³. Алексей Михайлович считал себя не только царем всея Руси, но царем вселенским, царем всего православного Востока. В этом его с энтузиазмом поддерживал Никон, продвигающий идею Вселенского Православного царства. Внесение поправок в богослужебные книги виделось Никону важной мерой устранения разногласий с Греческой Церковью, возникших в результате ошибок в русских священных книгах. Противники Никона считали падение

Византии наказанием за согласие на объединение Церквей, поэтому Греческую Церковь не хотели рассматривать как авторитет и считали, что греки должны были перенять русские обряды. Патриарх же искал путей превращения Русской Церкви во Вселенскую. Осуществлением идеи Третьего Рима, он видел выход за пределы Москвы, привлекая в нее все, что может способствовать ее укреплению, расширению влияния и власти Русского Православия, русской веры. На поверхности шел религиозный спор, а в глубине – спор каким быть русскому государству. Москва шла к империи, старообрядцы уводили государство в сторону, отвергая под предлогом защиты «старины» динамику расширения границ и развития. Никон выстроил Воскресенский монастырь на р. Истра, названный Новым Иерусалимом. Плита, лежащая в соборе, возвещала: «Здесь центр земли»²⁴. Для Никона было несомненно, что центр земли находится в Третьем Риме. Но Рим он понимал как соединение двух образов, идеально, по его мнению, сложившихся в Константинополе – римского и иерусалимского, соответствовавшее двуединству духовной и плотской природе в человеке, двуединству церковной и государственной власти в христианском человеческом обществе. «Вынесенный из Москвы Воскресенский монастырь означал также, что... “Новым Иерусалимом”, “Царством Божиим”, началом Царства Небесного является в России Церковь, ее православное духовное благочестие, а не вещественная земная столица, хотя она и представляет единственную в мире православную державу, ибо в последнем значении Москва – Третий Рим»²⁵. Целью его было превращение Москвы в столицу Вселенской Православной Церкви. Помощь греков была нужна для ее достижения. Старообрядцы же защищали, не щадя жизни, концепцию, которая провозглашала: Православная вера есть русская вера, не русская вера – не Православная вера. В одном из посланий царю, протопоп Аввакум убеждал его отказаться от греческого языка: «Ты, ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай его ни в церкви, ни в дому, ни в простой речи. Любит нас Бог не меньше греков: предал нам и грамоту нашим языком через Кирилла и Мефодия. Чего нам еще хочется лучшего того? Разве языка ангельского? Да нет, ныне не дадут до общего Воскресения»²⁶. Николай Бердяев, подчеркивая сакральный характер Московского царства, в 1937 году писал: «Московское православное царство было тоталитарным государством»²⁷, в котором царь не только должен управлять государством, но и спасать души, подчеркивая этим неразрывность связи Православия и царства, веры и власти. Истинный царь был хранителем веры. В сознании народа царь Алексей Михайлович, посягнувший на древние обряды, не мог

быть подлинным царем. В сознании народа царь теряет свою божественную сущность, свою служебную сакральность. Властью овладевает антихрист. Происходит разрыв «тотальности», органической власти между властью и верой.

Добавим к вышесказанному, что Московское государство, видевшее себя Третьим Римом, было одновременно царством Христовым, царством правды и государственной властью, управлявшей неправдой. Раскол нанес первый удар идее Москвы как Третьего Рима, идее слитности двух царств в одном. Второй удар был нанесен реформой Петра Великого. Рядом с факторами религиозными и политическими выступали факторы психологические, персональные. В предисловии к исправленному Служебнику 1655 году о царе Алексее и патриархе Никоне говорится как о «богоизбранной и богомудрой двоице»²⁸, за которую «все живущие под державою их и под единым их государским повелением утешительными песнями славить имут воздвигшего их истинного Бога нашего»²⁹. Но двоевластие в Московском государстве всегда означало смуту. Суд над патриархом, на который призваны потерявшие власть патриархи Востока – не только крушение союза «богомудрой и богоизбранной двоицы» – это крушение Вселенского Православного царства, которое склонилось перед имперским государством.

Результатом раскола была потеря Церковью политической роли, которую она играла много веков. Она еще сохраняет некоторые привилегии: имущественные, право суда. Решительный Петр I завершит полное подчинение Церкви государству. Причиной ослабления Церкви было усиление государственной власти, которое, в свою очередь, было функцией слабости Церкви. Отпадение верующих людей означало внутреннее ослабление религиозного рвения среди тех, кто оставался в «ограде Церкви». Но удар, нанесенный расколом идее Третьего Рима, не разрушил ее окончательно. Идея трансформировалась в сторону государственного мессианства. Пророчество Филофея, ставшее идеологическим обоснованием тесного союза между государством и Церковью, было благотворно для обоих, способствовало их возвышению. Государство извлекло из союза с Церковью все возможности, какие давало сотрудничество, но когда партнер ослаб, отвело ему служебную функцию.

В начале следующего века московское государство станет официально Российской империей. Москва уступит место новой столице Третьего Рима – Санкт-Петербургу. Преобразование доктрины будет завершено: в определении «Православная Россия», главным станет – Россия, т. е. государство. Идеологическую линию продолжат славянофилы и западники, панславянисты. Во внутренней формуле «Православие,

Самодержавие, Народность» ревнители имперской идеологии решали, что нужно в первую очередь ставить государство: «Самодержавие, Православие, Народность». У последователей же национальной идеи лозунг звучал как: «Народность, Самодержавие, Православие». В 1993 году писатель Ю. Сергеев объявит: «Россия – вот наша вера!.. Бог хочет, чтобы Россия возродилась, это мозг и сердце планеты»³⁰.

Ю. Крижанич, писатель XVII века, в своем сочинении «Политика» открыл еще неосознанную славянскую миссию России (панславянизм). В его глазах эта миссия имела предназначением спасение славянских народов, а в первую очередь – спасение русского народа, оказавшегося во второй половине XVII века перед страшной опасностью быть зараженным чужеземным влиянием. Своим сочинением он принес русский национализм³¹. Источником могущественного идеологического воздействия формулы Филофея была ее простота: два Рима пали, третий – Москва – стоит, четвертому не бывать. Будущее не имело тайны, все было ясно. Простота и ясность были связаны, прежде всего, с тем, что «Москва стоит», т. е. не только существует, но растет. Московское царство не переставало двигаться, распространяться, раздвигать свои границы все дальше и дальше. Оно должно быть Вселенской империей, несущей миру свет Православия, защитницей веры. Московское государство называли «литургическим»: все члены общества должны служить Православному царству, как жизнью, так и имуществом.

Но внешняя экспансия привела Москву в соприкосновение с противником. Нарастал конфликт между традиционным московским укладом и необходимостью развития государства. Конфликт – страх перед чужеземным влиянием, угрожавший чистоте Православия. Для Ю. Крижанича не Православие (сам он был католиком), а славянство было фактором, определявшим уникальность Руси. По его мнению, только самодержавие позволит уничтожить источник всех зол – плохие законы. Самодержавный царь может провести необходимые реформы. Избавив тем самым Русь от всех зол. Самодержавие, со свободами «пристойными и умеренными, возвещает идею просвещенного абсолютизма». Но славянская идея, концепция славянского царства не получила того значения, о котором мечтал Крижанич, ибо вступила в противоречие с имперской идеей, ограничивало ее. Москва – Третий Рим, не могла довольствоваться только славянскими народами, она видела себя в центре православного мира.

Идею западной империи воплощал Петр. Вольтер написал: «Наконец родился Петр, и Россия приобрела форму»³². В народе снова стало бытовать мнение, что царь ненастоящий – его подменили немцем,

антихристом. Карамзин делает вывод: «Мы стали гражданами мира, но перестали, в некоторых случаях, гражданами России». И далее он пишет: «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию – Голландиею»³³. После подписания Ништадского договора Сенат принял решение преподнести Петру титула Великого, отца отечества и императора Всероссийского. Примечательным был выбор не греческого, но римского титула: третий Рим утверждал свою преемственность от первого, языческого. Государь именовался теперь: император и самодержец всея Руси, Москвы, Киева, Владимира, Новгорода, сохранив титул царя только по отношению к бывшим татарским землям – Казани, Астрахани и Сибири. Это значило, что нет больше царя – есть всероссийский император.

Государственная власть становится имперской в двух смыслах этого слова: она захватывает в свои руки все области общественной жизни и новые территории (государства) для развертывания своей деятельности.

На желание иметь патриарха Петр ответил Духовным регламентом, составленным Феофаном Прокоповичем. Регламент, по сути, содержал требование принять новое, не церковное мировоззрение. Руководство Церковью переходило в руки Синода, члены которого приравнивались к чиновникам всех светских учреждений. Идея Православного царства стала лишь вывеской. Чиновники давали присягу царю и обязывались беспрекословно выполнять его предписания. Синодский указ предписывал священникам доносить властям об изменнических или бунтовских намерениях, выраженных во время исповеди. Н. Карамзин писал: «Петр объявил себя главой Церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного»³⁴.

Учреждение в 1589 году патриаршества в Москве было официальным знаком принятия византийского наследия. Ликвидация патриаршества свидетельствовала о том, что император всероссийский не нуждается в посреднике между Богом и собой. Воинский устав 1716 года декларировал: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»³⁵. Царь и патриарх – богоизбранная и богомудрая двоица – были высшей государственной властью в Московском государстве. В Духовном регламенте 1721 года отмена патриаршества объяснялась тем, что «простой народ не ведает, как разнствует власть духовная от самодержавной»³⁶. Чтобы не было путаницы, император объединил в своих руках власть светскую и духовную. Петр менял административную систему управления, одновременно устанавливал

ливая вместо византийского строя церковной империи (православного царства) строй Римской светской империи (не царства и не православного). Патриарх, мешавший монарху быть абсолютным владыкой, должен был уйти. По мнению императора, каждый гвардейский офицер мог руководить Церковью. Петр мог сказать: «Государство – это я», – с еще большим основанием, чем Людовик XIV, ибо русский царь мог добавить: «Церковь – это тоже я». «Петр, – писал Г. Вернадский, объясняя смысл его церковной реформы, – по своему душевному укладу был типично русским человеком, но по своему религиозному мировоззрению он не был типично русским царем»³⁷.

Со времен Петра российская государственность в своей идеологической концепции никогда не отказывалась от идеи Третьего Рима. Но, трансформировав религиозную идею в идею сильной государственной власти, она потеряла ее смысл – Царства Божия на земле. И хотя императором Александром I для поддержания мира в Европе был создан Священный Союз, как прообраз великой империи, хотя пришло освобождение славянским народам при Александре II, но имперский период российской государственности стал периодом заката соборного начала в духовной, церковно-религиозной и светской жизни. После ликвидации крепостного права, борьбы с монашеством и монастырями самодержавие было обречено. Была потеряна идея семьи. После этого самодержавие могло трансформироваться в парламентарную монархию, могло погибнуть. Как это и случилось. Василий Ключевский писал: «Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией...»³⁸. Александр II, преодолевая внутренне сопротивление, осуществлял реформы, надеясь, что они помогут восстановить мощь империи, престиж России на международной арене. Высший бюрократический аппарат подчинялся воле государя, понимая, что своими руками ломает систему идеального самодержавия.

Император Николай II, зная историю, понимал необходимость восстановления мировоззренческого единства народа, единства его нравственных и религиозных идеалов, его самосознания и чувства долга. Единственной силой, способной на это была Православная Церковь. Государь решил, что сначала должны быть восстановлены соборные начала в церковной жизни, а затем, опираясь на ее поддержку, – и в общественно-государственной деятельности. Первым этапом восстановления империи по византийскому образцу – собор церковный, затем земский. Понимая, что никакой земский собор невозможен без единения с Церковью, государь был готов произвести грандиозные перемены во всем строе церковно-государственной жизни. «Речь шла о перестройке

всего государственного здания на духовных началах, причем успех намеченного плана всецело зависел от удачного выбора патриарха, так как помимо своих прямых обязанностей по возглавлению Церкви, он привлекался, вместе с лучшими выборными людьми Русской земли, в лице Земского собора, к участию в управлении государственными делами, как это было в старину»³⁹. В марте 1905 года государь сообщил членам Священного Синода о своем решении, и в качестве кандидатуры патриарха предложил себя, оставляя престол сыну, при регенстве императрицы. Но члены Синода не смогли оценить благотворность перемен. В отличие от Земского собора (трансформированного затем в Учредительное собрание), Церковный собор состоялся в 1917–1918 годах, он привел, избрав патриарха, церковное устройство в соответствие с многовековой канонической традицией Вселенского Православия, предопределил духовную стойкость Российского государства перед лицом богоборческих гонений советской эпохи. Но противостоять катастрофе, поглотившей русскую православную государственность не смог даже он.

В конце 40-х годов И. Сталин, как человек, хорошо знавший духовные основы истории, пытался сделать Москву «Русским Ватиканом». В книге воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского) описаны его настроения во время шествия воинов-освободителей Европы: «Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского (мечта!), гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян и Москва – кто знает! – быть может, всемирный центр Православия»⁴⁰. Начиная с 1946 года, стали осуществляться планы по проведению Вселенского собора, намеченного на 1948 год, для «решения вопроса о присвоении московской патриархии титула вселенской». Начиналось воплощение мечты о Третьем Риме. Но в той ситуации Церковь находилась отнюдь не в симфонии с государством, а играла лишь одну из важных ролей в «большой политике», была лишь «одним из важнейших инструментов в реализации наступательной стратегии СССР».

Но, несмотря, ни на что, идея Третьего Рима жива. Она всегда востребована и только ждет своего часа, который наступит при возвращении народа в Церковь, при принятии соборных основ государства, при симфонии государства и Церкви. «Когда окончатся страдания твоя, – пророчески говорил на Всезарубежном соборе 1937 года святитель Иоанн Шанхайский, – правда твоя пойдет с тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда возведи окрест очи твои и виждь: се придут к Тебе от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки»⁴¹.

Эти слова свидетельствуют о том, что Россия, как преемница Российской империи, может «воскреснуть» и найти свое место и роль в истории только тогда, когда в симфоническом и соборном единении государственной и церковной власти, власти и народа, объединенных единым служением Богу, она вновь избрет Царство Христа Спасителя.

Примечания

¹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1880-1916. Т. 2. С. 464.

² В 1649 году «Уложением» царя Алексея Михайловича (42 статья, гл. 13) запрещался дальнейший рост церковных имуществ. В 1718 году в результате реформ Петра монастыри потеряли треть крестьянских дворов. Манифестом Екатерины II от 26 февраля 1764 году «О разделении церковных имуществ» у монастырей были окончательно изъяты все вотчины. Борьба с монашеством продолжалась вплоть до царствования импер. Николая II.

³ Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987. С. 184.

⁴ Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. М. ; Л., 1959. С.184.

⁵ Там же С. 230.

⁶ Цит. по: Иоанн (Снычев), митрополит. Русь соборная. СПб., 1995. С. 101–102.

⁷ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 94.

⁸ Цит. по: Иоанн (Снычев), митрополит. Там же. С. 101.

⁹ Цит. по: Геллер М. Я. История Российской империи : в 2 т. М. : Из-во «МИК», 2001. Т. 1. С. 159.

¹⁰ Под стягом России : сборник архивных документов. М. 1992. С. 6.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 512.

¹² Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 2. С. 163.

¹³ Цит. по: Геллер М. Я. Там же. С. 247.

¹⁴ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1975. С. 44.

¹⁵ Геллер М. Утопия у власти / М. Геллер, А. Некрич. Лондон. 1966. С. 152–158.

¹⁶ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 25.

¹⁷ Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С. 234.

¹⁸ Цит. по: Геллер М. Я. История российской империи. С. 325.

¹⁹ Бердяев Н. А. Русская идея. Париж, 1971. С. 12,13.

²⁰ Там же. С. 11, 12.

²¹ Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв. М., 1869. С. 28.

²² Цит. по: Геллер М. Я. Там же С. 332.

²³ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 318.

²⁴ Лебедев Л., протоиерей. Москва патриаршая. М. : Из-во «Вече», 1995. С. 141.

²⁵ Там же.

²⁶ Литература Древней Руси. Хрестоматия. М. : Высш. шк., 1990. С. 491.

РАЗДЕЛ I

²⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 10.

²⁸ Никон: Биографический очерк // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Эфрон. СПб., 1897. Т. 21. С. 140.

²⁹ Цит. по: Костромаров Н. Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. СПб. Без даты. Т. 2. С. 139.

³⁰ Сергеев Ю. Наследник // Роман-газета. 1993. № 2. С. 46.

³¹ Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 497.

³² Цит. по: Геллер М. Я. Там же. С. 397.

³³ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С. 37.

³⁴ Карамзин Н. М. Там же. С. 35–36.

³⁵ Цит. по: Геллер М. Там же. С. 453.

³⁶ Там же.

³⁷ Вернадский Г. Начертание русской истории // Евразийский временник. Берлин, 1925. Т. 4. С. 190.

³⁸ Ключевский В. Курс русской истории. СПб., 1912. Т. 5. С. 233.

³⁹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981. С. 276.

⁴⁰ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 611–612.

⁴¹ Цит. по: Иоанн Шанхайский, архиепископ // Русский паломник. 1990. № 2. С. 101.

А. В. Репников

РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ О ПРОБЛЕМАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Для российских консерваторов была характерна сакрализация самодержавной власти. К сожалению, большинство современников прошли мимо религиозной составляющей в их рассуждениях или же попытались оценить ее с позиций материализма. Но именно с наличием этой составляющей и связано то специфическое обстоятельство, что вплоть до конца XIX века консервативные идеологи в России не стремились обеспечить оформление политико-правовой доктрины самодержавной власти¹.

Американский историк Ричард Уортман в своем фундаментальном труде «Сценарии власти» уделил немало места вопросу сакрализации русской монархии. Он полагает, что «в 1881 году центр национального мифа сместился от сакрализации монархии к сакрализации самодержавной власти как священного начала и исторической русской тради-